

ЭТНОГРАФИЯ

М.Б. Гимбатова

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ
У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

У народов Дагестана и северокавказского региона в целом появление на свет сына было более предпочтительным, нежели рождение дочери (Карпов Ю.Ю., 2001. С. 9), поэтому гендерная асимметрия, или неравенство полов, проявлялась еще до рождения ребенка. Предпочтительность мужского пола была вызвана, прежде всего, экономическими причинами: мальчик – это новые рабочие руки, женившись, он приведет в дом невестку, а дочь вырастет, выйдет замуж и уйдет в чужую семью. По поводу рождения дочери в Дагестане говорили: «Родился камень для чужой стены» (Магомедов Р.М., 2005. С. 392).

Знарок быта кавказских горцев Н. Семенов так охарактеризовал причины предпочтения, оказываемого мальчикам перед девочками: «кумык, чеченец, кабардинец, да чуть ли не все кавказские горцы с гордостью приветствуют появление мальчика и с унынием встречают появление на свет девочки. Мальчик – будущий защитник тайпы, тухума, будущая сила, честь и слава союза, именно ему придется охранять и защищать девочку от враждебных поползновений соседнего союза» (Семенов Н., 1895. С. 260).

Пожелание иметь сыновей было одним из самых лучших для мужчины. Так, в азербайджанской здравице поется:

«Гияв, сенин тахтын мябарек олсун,   Жених, да будет благословенным
Сен оласан едди оглан атасы».   Брачное ложе,
Чтобы ты стал отцом семи сыновей.

У кумыков же пожелание иметь сына адресовалось, как правило, новобрачной – «улан тапкъыр» (чтобы ты сына родила). Существовало и такое выражение: «Улан тувса – уьй толар, кьыз тувса – уьй бошала» (Мальчик рождается – дом наполнится, девочка рождается – дом опустеет). Ногайцы так приветствовали рождение сына: «Ул тувганда куьн тувар» (У кого родился сын, над тем солнце взошло). Весть о рождении сына радостно воспринималась и у азербайджанцев: «Девочка – чужой товар, а мальчик – хозяин очага, он зажигает отцовский чираг, он золотое солнце, которое своим светом будет озарять весь свой род» (Захаров А., 1894. С. 97). Подобные высказывания бытовали и у других народов Дагестана. Так, например, у аварцев говорили: «Для красоты лица – бровь, для красоты рода – мужчина» (Традиционный фольклор народов Дагестана. 1991. С. 436), а в застольной песне лезгин гости пели:

«Стели не меньше двух перин,
А в них пусть будет –
Пух один,
Пусть семь детей,
Семь сыновей
У женщины счастливой будет.
Родится дочь – пусть сливой будет,
А слива долго не живет,
Когда от ветки отпадет»

(Из дагестанской народной лирики. 1956. С. 207–208).

Рождение мальчиков повышало статус женщины в глазах мужа, родственников и общества. Так, южные кумычки хвалились:

«Торгайлерим торайсе тогуз ерде бийке мен,
уьюгумне ахлюме бийке кьыздай эрке мен».

Когда подрастут мои жаворонки в семи домах, я – госпожа,

А для своего мужа я – как девушка-баловница.

При этом имелось в виду, что когда мать семи сыновей будет сватать невест, то во всех домах ей окажут почет и уважение, а у мужа она на правах госпожи.

Появление на свет сыновей повышало престиж не только матери, но и отца. Глава семейства, в доме которого было много сыновей, пользовался авторитетом и почетом среди односельчан. А у аварцев общества Тилитль отцу семи сыновей в качестве вознаграждения выдавали даже особенный участок земли (*Дубровин Н.*, 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 578–579).

В социализации детей в семье у тюркоязычных народов Дагестана существовали некоторые этноспецифические особенности. Целью данной статьи является их освещение и анализ.

У тюркоязычных народов Дагестана рождение дочери воспринималось не столь радостно, как рождение сына. Так, например, у азербайджанцев при рождении мальчика соседи и знакомые поздравляли счастливого отца следующими словами: «Аллах послал тебе великую радость, да будет благословенно его имя», а при рождении девочки не поздравляли, а только утешали опечаленного отца: «Не унывай, Аллах и тебе пошлет мальчика!» (*Захаров А.*, 1894. С. 98). Подобное отношение к рождению дочери наблюдалось и в других культурах. Так, у русских говорили: «Дочка – чужая скотинка», «Дочь – чужое сокровище», «Дочь – работница для чужого поля, ключница чужому отцу, ларечница чужой матери» (*Пушкарева Н.Л.*, 2003. С. 6).

Если в семье рождались только девочки, то младшую из дочерей нарекали именем *Болдыхан* (хватит ханш – ног.), *Къызтаман* (хватит девочек – кум.) или *Улангерек* (кум., ног.) и *Оглангерек* (мальчик нужен – азерб., терек.). По свидетельству наших информаторов, в большинстве случаев это давало желаемый результат. Центральные кумыки считают, что рождению в семье мальчиков способствует также и наречение дочерей именами Сакинат или Патимат.

В результате наших полевых исследований мы обнаружили, что тюркоязычные народы Дагестана придавали большее значение здоровью мальчика, нежели девочки. «Девочки/женщины считались более крепкими, выносливыми, обладающими большим потенциалом по сравнению с мужчиной...» (*Карпов Ю.Ю.*, 2001. С. 26). У исследуемых народов бытовало мнение, что мальчики рождаются слабыми и, следовательно, нуждаются в особом внимании и уходе. Так, например, у центральных кумыков больного новорожденного мальчика заворачивали в саван и ненадолго закапывали в землю, как умершего, считая, что тем самым они обманывали злых духов. Как говорили наши информаторы, после проведения этого ритуала болезнь отступала. Или же на одну чашу весов клали ребенка, а на другую – сырое мясо, которое затем зарывали в землю. В народе считали, что по мере загнивания мяса ребенок будет выздоравливать. Южные кумыки болезненного новорожденного мальчика три раза передавали друг другу через лаз в заборе, проделанный собакой. Считалось, что эти действия способствовали избавлению от болезней. Дагестанские азербайджанцы и терекеменцы оставляли новорожденных мальчиков у пира (место, где захоронен святой) со словами: «Если выживешь, то поправишься, если нет – умрешь».

Для того чтобы мальчики выросли здоровыми и крепкими, их дольше кормили грудью, нежели девочек. Порой дело доходило до того, что мальчики, вышедшие из младенческого возраста, ходили за матерью и требовали грудного молока. Вот что писал по этому поводу А.Захаров, исследовавший семейный быт азербайджанцев в XIX в.: «Татаркамать (азербайджанка. – Авт.) обыкновенно кормит грудью ребенка до двух лет, но в татарских деревнях часто можно видеть шестилетних, семилетних, даже десятилетних детей, сосущих без зазрения совести грудь матери. Курьезно видеть, как восьмилетний мальчишка, поймав на улице мать, буквально вступает с нею в драку, требуя груди» (*Захаров А.*, 1894. С. 104).

Если мальчики в семье умирали, то взрослые прибегали к магической силе оберегов. Так, например, северные и центральные кумыки вдевали мальчику в правое ухо серьгу и

оставляли до 5–7 лет, а ногайцы, дагестанские азербайджанцы и южные кумыки отращивали на макушке мальчика волосы, которые затем заплетали в косичку («кекил» – азерб., терек., «айдар» – ног.), ее носили до 7-летнего возраста. В народе полагали, что подобные меры ограждали ребенка от нечистой силы.

Традиционное воспитание у тюркоязычных народов Дагестана в исследуемый период было дифференцированным и ориентировало, прежде всего, на усвоение детьми гендерных стереотипов. Здесь, на наш взгляд, следует более подробно остановиться на понятии гендерные стереотипы и что понимается под ними.

Гендерные стереотипы – это один из видов социальных стереотипов, основанный на принятых в обществе представлениях о маскулинном и феминном и их иерархии (www.gender.ru). Существующие в обществе и культуре гендерные стереотипы в известном смысле определяют направленность, цели и задачи воспитания. Принято выделять три группы гендерных стереотипов (Клецина И.С., 1998. С. 19–20).

Первая группа включает нормативные представления о том, какими психическими и поведенческими свойствами обладают (или должны обладать) мужчины и женщины, т.е. стереотипы «мужественности» и «женственности».

Вторая группа закрепляет семейные и профессиональные роли в соответствии с полом.

Третья группа связана с различиями в содержании труда (Пуликарева Н.Л., 2003. С. 4-5).

Представления о психических и поведенческих свойствах, которыми должны обладать мужчина и женщина (стереотипы «мужественности» и «женственности»), формировали у детей с раннего возраста. С малых лет родители объясняли детям, как должны вести себя представители сильного и слабого пола, что значит быть настоящими мужчиной и женщиной. Девочкам с детства прививали такие качества, как терпение, покорность, скромность, ласковость, сдержанность, доброжелательность, заботливость, нежность, мягкость, но в то же время она должна была быть активной, ответственной, уверенной, т.е. соответствовать андрогинному (женскому) типу, который был принят в данном обществе.

С самого раннего детства девочке внушали, что, когда подойдет срок, она должна будет выйти замуж. Мать не могла представить будущее своей дочери вне брака. У ногайцев говорили: «*Кувевсиз хатын етим ди*» (Женщина незамужем – все равно, что сирота), «*Кувевсиз хатын – канатсыз кус*» (Женщина без мужа, что птица без крыльев).

Об удачном замужестве своей дочери мать мечтала уже тогда, когда та была еще в колыбели. Так, кумычка пела:

«Атъаскерлер адашсин башмагиннен чаныннан. Авар бийлер атлансын авазыннан даныннан».	Пусть всадники заблудятся От пыли из-под каблучков твоих башмаков. Пусть аварские ханы оседлают коней И приедут свататься, Услышав эту весть.

Пожелание счастливой жизни, полной достатка, отразилось и в другой кумыкской песне, которую мать напевала дочке:

«Дурун, дурун, дурунсун Дурун, дурун, дурунсун Этке явга сурунсун, Шульмелеге урунсун. Гелин болуп олтурсун, Уьюн малдан толтурсун».	Пусть споткнется в хранилище мясо, Пусть ударится об крючок для сушеного мяса. Пусть сядет в доме как невестка, Пусть наполнит дом богатством.

Более наглядно стереотипы «женственности» представлены в ногайской колыбельной песне:

«Наша маленькая драгоценная красавица,
Наша лунолика.

Ты будешь добрая и умная,
Ты будешь матерью самых сильных и смелых джигитов
И, как твоя мама, хранительницей очага.

Расти, наша светлая заря, наше солнышко,
Светлая наша, будь счастлива» (*Гимбатова М.Б.*, 2007. С. 163).

Одним из условий удачного замужества девушки была ее красота. С малых лет мать внушала дочери, что она самая красивая, женственная. Так, в кумыкской колыбельной поется:

«Мени кызым гъачынна,	Дочь моя красавица,
Гъамары бар башында,	С пышными косами.
Сюрмеси бар гезюнде,	Глаза ее насурьмлены,
Сюйкюмю бар сезюнде»	Приятны речи

(*Кадыраджиева Х.Д.*, 1980. С. 20).

С детства мать приучала дочь следить за своим внешним видом, чистой телом, волосом, затем старшие сестры, подруги, соседки передавали девочке свои навыки по наведению красоты и уходу за собой. Так, например, азербайджанка говорила своей дочери, что «ни домовитостью, ни способностью хорошей хозяйки, а только своей внешностью она может пленить сердце своего мужа» (*Захаров А.*, 1894. С. 119).

Дагестанские азербайджанки и терекеменки следили за своей внешностью и широко использовали косметические средства. «Когда девушка выходит из дому, лицо ее выбелено и нарумянено, ресницы и брови насурьмлены, пальцы выкрашены хной», – писал А.Захаров об азербайджанских девушках (*Захаров А.*, 1894. С. 117).

Косметические средства употребляли и кумычки. Особенно они ухаживали за кожей лица, смазывая на ночь чистое лицо теплой смесью масла, воска и простокваши. Со лба, вокруг бровей и губ убирали волоски с помощью перекрученной нити или маленьких щипцов («бет ала»). Кумычки также пользовались хной, сурьмой, белилами («оба»), румянами («энгилик») (*Гаджиева С.Ш.*, 2005. Кн. 2. С. 96). Так, в кумыкской колыбельной песне поется:

«Мени кызым обалы,	На щечках дочери белила,
Он бармагъы кыналы,	Десять пальцев в хне,
Ому рав алтын тюймели,	На груди пуговка золотая,
Ала гезю сюрмели».	Глаза серые насурьмлены.

(*Кадыраджиева Х.Д.*, 1980. С. 21).

Хну кумычки применяли и для укрепления волос, с этой же целью они накладывали на голову кашицу из толченых горьких ядер абрикосов.

Идеалом женской красоты у кумыков считалась стройная женщина с тонкой талией, чистым белым лицом, длинными косами, румянцем на щеках, завитыми локонами («тулум»), густыми длинными бровями формы полумесяца (*Гаджиева С.Ш.*, 2005. Кн. 2. С. 95).

Ногайские девушки также уделяли большое внимание своей внешности. Они мыли волосы яичным желтком, полоскали их сывороткой. Раз в месяц для укрепления корней волос втирали в голову сливочное масло, делали компрессы из сметаны, а для лица готовили маски из простокваши (*Гимбатова М.Б.*, 2005. С. 132).

Пользовались ногайки и косметикой. Еще голландский путешественник Ян Стрейс, посетивший ногайцев во второй трети XVII в., отмечал, что «женщины ногайки придавали большое значение своей внешности, они пользовались парфюмерными изделиями, покупая «кенас» для мытья волос, краску для ногтей, румяна и белила, употребляемые ими в очень большом количестве» (Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв., 1999. С. 61).

Девочки в тюркоязычных семьях воспитывались в духе уважения к мужчине. «Пусть брат младше тебя, но шапка, которую он носит, все равно старше (выше) тебя», – объяс-

няли ногайки своим дочерям. Сестра не перечила брату и должна была во всем его слушаться. «У девочки язык высохнет, если она станет бранить своего брата», – говорили азербайджанки (Захаров А., 1894. С. 106).

Братья же старались не обижать сестер. «*Карындасын йылаткан – оьмирбойы йылар*» (Обидевший сестру век плакать будет), предупреждали ногайцы (Гимбатова М.Б., 2007. С. 105). Так же бережно относиться к сестре учили и горцы Дагестана. «Чем совсем не иметь сестры, лучше иметь слепую», – гласит мудрость народов Дагестана.

Любовь сестры к брату нашла отражение в многочисленных легендах, которые старшие пересказывали детям. Приведем лишь одну из них: «Однажды хан приказал казнить мужа, сына и брата одной женщины. Она, бросившись к ногам хана, со слезами и воплем стала умолять о пощаде. Хан, тронутый ее слезами, обещал помиловать одного из трех осужденных к смерти, кого она захочет. Женщина попросила за брата.

– А почему ты не просишь за мужа или за сына? – спросил хан.

– Мужа я найду на улице, сына в утробе, а брата нигде не найду, – ответила она» (Захаров А., 1894. С. 106–107).

Наши информаторы из с. Утамыш Каякентского района рассказывали, что в их селекции женщина по имени Райганат, потерявшая брата, несколько лет не выходила на люди и в знак траура не носила обувь. Женщины вспоминают, что зимой ее потрескавшиеся ноги оставляли на снегу окровавленные следы, когда она чуть свет выходила за водой. У азербайджанок самой прочной клятвой считалась клятва братом. «*Клянусь головой моего брата*», – говорили они (Захаров А., 1894. С. 107), а у кумыков существовала даже клятва для девочек: «*Къардашымны башы булан ант этемен*» (Клянусь головой брата) (Гаджиева С.Ш., 2005. Кн.2. С. 139–140).

В 5–6 лет девочек начинали привлекать к домашнему труду, тем самым знакомя их с основным кругом занятий, которые им предстояло выполнять в будущем. Женские работы, как правило, не распространялись за пределы дома, и девочкам давали понять, что их жизненное пространство будет определено границами усадьбы. Не случайно у кумыков и ногайцев существует обращение к женскому полу – «*къысгъа аякъ*» (коротконогая), т.е. не выходящая за пределы дома.

У тюркоязычных народов Дагестана мужчины, чтобы подчеркнуть свое превосходство над женщинами, приписывали им множество отрицательных качеств. Так, кумыки говорили: «*Къатунун акылы этегинне бола, зре турганна тушуп кала*» (Ум у женщины внизу на уровне сапог бывает, когда она встает, то он совсем падает). У ногайцев по этому поводу была другая пословица: «*Пишени шашы узун, акылы къысгъа*» (У женщины волос долог да ум короток).

Нередко и мальчики дразнили девочек: «куриные мозги», «тряпичная голова», «навозная штанина», подчеркивая трудовую обязанность девочек чистить хлев. И она с ранних лет должна была доказывать своим характером и поведением несостоятельность приписываемых женщинам отрицательных черт.

Мальчиков с детства ориентировали на руководящую роль в семье и обществе. Родители уже с ранних лет позволяли мальчику проявлять свою власть над сестрой, если даже она была старше его. Он мог запретить ей то, что, по его мнению, не положено было делать девушке, и мог даже побить, если она не слушалась. Главным в воспитании мальчиков было развитие у них мужских качеств. Следует отметить, что до восьми лет воспитанием детей занималась мать, затем оно становилось дифференцированным: мать продолжала воспитывать девочек, а отец занимался воспитанием мальчиков.

Отец хотел видеть сына сильным, крепким, смелым, успешным, а мать – счастливым, благополучным, крепким семьянином. Так, например, в азербайджанской колыбельной песне поется:

«Молодцом ты станешь, ростом что чинар
И лопнут от зависти недруги мои;
Безирганом ты будешь, богатым купцом,
В Тифлис ты поедешь, в Москву и Тавриз;

Спи, султан мой славный; лай, лай я пою!»

(Захаров А., 1894. С. 99–100).

Самой заветной мечтой матери было видеть сына в окружении красавицы жены и детей. Так, в кумыкской колыбельной песне поется:

«Алтунум, алтунум,	Золотой, золотой,
Улан тапсун кьатунун.	Пусть сыновей тебе родит жена.
Алты улан, алты кьыз,	Шесть сыновей, шесть дочерей,
Баринне эгиз, эгиз!».	И все они близнецы.

Или же:

«Бу яшима кьыз гельсин,
Узакь кьалмай тез гельсиз.
Узун чаваси булан кьыз гельсин яшима,
Урбеч хьавалари булан кьызда гельсин яшима,
Аркасына яли бар кьызда гельсин яшима,
Хьавалари булан балы бар кьызда гельсин яшима».

Пусть к моему сыну девушка придет,

Не задерживаясь, скорее пусть придет.

С большим платком на голове девушка пусть придет к моему сыну,

С кувшином урбеча девушка пусть придет к моему сыну,

С длинной косой девушка пусть придет к моему сыну,

С кувшином меда девушка пусть придет к моему сыну.

Желали мальчику и долголетия:

«Вай меним алтун яшим,	Ой, мамин золотой ребенок,
Алты улан тапседи кьатынын.	Чтобы жена тебе родила шесть сыновей.
Алтысыда нард болсун,	Чтобы все шестеро стали богатырями,
Бирче сени булан карт болсун».	Чтобы ты вместе с ними состарился.

В ногайских же колыбельных песнях для мальчиков мы обнаруживаем перечисление тех качеств, которыми, как полагали в обществе, должен был обладать настоящий мужчина:

«Ты вырастишь с львиным сердцем,
Ты будешь гордостью родных и близких.
Любимец родителей и свет их очей,
Расти нам всем на радость, родной.
Ты вырастишь, станешь джигитом.
Дружить будешь с хорошими людьми.
Будешь справедливым и добрым.
Расти на радость всем нам, дорогой».

(Гимбатова М.Б., 2007. С. 162–163).

С самых ранних лет мальчику давали понять, что он отличается от девочки и что позволено девочке (плаксивость, капризы, изнеженность, слабость), не позволено ему как мужчине. Огромную роль в развитии у мальчика мужских качеств играли отец и старшие братья. Взрослыми всячески поощрялось озорство, удальство мальчика, умение постоять за себя, за друга, а иногда даже и употребление неприличных слов. Старшие братья во всем служили примером для младших, поэтому воспитанию первенца в семье придавали большое значение. В таких случаях ногайцы говорили: «Алды арба кайда юрсе, арты арба да сонда юрер» (Куда двинется первая арба, туда двинется и следующая) (Захаров А., 1894. С. 105).

Пример старших братьев и личные наблюдения формировали в сознании ребенка модель мужского поведения. Участие в играх соревновательного характера, развивающих физическую силу, воспитывающих силу воли, выносливость, решительность, уверен-

ность, настойчивость и упорство в достижении цели, формировали в мальчике маскулинный тип с присущими ему качествами.

Таким образом, в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана одной из важных задач воспитания было развитие и закрепление у детей гендерных стереотипов «мужественности» и «женственности», т.е. формирование представлений о маскулинности и андрогинности (феминности).

Другими важными гендерными стереотипами, формирующими мужское и женское сознание, были стереотипы «распределения ролей», недопустимость их смешения или замещения (Пушкарева Н.Л., 2003. С. 13). С ранних лет дети, наблюдая за родителями, отчетливо понимали значение и роль каждого из них в семье. Роль матери заключалась в создании домашнего тепла и уюта, т.е. мать являлась хозяйкой, воспитательницей детей, хранительницей очага. Отец должен был быть добытчиком, кормильцем, хозяином, главой и защитником семьи.

В своих играх малыши подражали взрослым, а с 6–7 лет начиналось целенаправленное, осмысленное, систематическое обучение детей «женским» и «мужским» социальным ролям. Девочки выполняли женские обязанности, мальчики – мужские. Подмена или замещение социальных ролей не допускалась, в традиционном обществе нельзя было увидеть мальчика, взявшего в руки веник, идущего за водой или стирающего белье. Такие дети могли быть публично высмеяны. Так, например, мальчика, замеченного за женскими занятиями, его сверстники у кумыков насмешливо называли «кукай», «кукай хораз», ногайцев – «тишекей», азербайджанцев и терекеменцев – «гыз-бебей», что в общем означало указание на несвойственное его полу поведение. Девочку, напоминающую своим поведением мальчика, у кумыков называли «эркек гъаз» (букв. гусь-самец), у ногайцев – «эркек шопай» (букв. деревянная кукла мужского пола), у азербайджанцев и терекеменцев – «гяда-гыз» (букв. мальчик-девочка).

Круг производственных занятий накладывал отпечаток и на стереотипы мужского и женского поведения, которые предполагали активность мужчины и пассивность женщины. Примером закреплённого за мужчиной права выбора и пассивного согласия женщины может послужить кумыкская колыбельная песня:

«Ананг берсин алтын топ.	Дорогой мамин золотой мячик,
Сен сав болгансан, маллар кёп	Если ты будешь здоров, богатство будет
Башлыг тюзде ер де кёп.	И земли много на Башлынской низине,
Гъамри озенде сув да кёп	И воды много в Гамри-озен.
Барып сабан саларбыз	Пойдем посеем там хлеба.
Сюйген къызынг аларбыз.	Возьмем твою любимую девушку.
Тай атынга минерсен.	Ты будешь ездить на своей лошадке.
Танывлу уйге гирерсен,	Прибудешь в достойный дом,
Танглап къызы аларсан».	Выберешь там себе невесту

(Гаджиева С.Ш., 2005. С. 198–99).

Подобное мы наблюдаем и у ногайцев:

«Кедем, кедем, кеделес,	Сынок, сынок, сыночек,
Кеделермен тоьбелес.	С мальчишками дерись.
Тоьбеге барып мал уyles,	В низину сойди, девушку попроси,
Тоьмен бай кызын бермесе,	На холме скот раздай,
Тоьмен барып кыз тилес,	Если местный бай дочь не отдаст,
Уйин артын барып тес».	Сзади дом его разрушь

(Имелось в виду продырявить юрту. – Авт.).

Таким образом, в традиционном воспитании у тюркоязычных народов Дагестана большое внимание уделялось формированию у детей мужского и женского сознания, ознакомлению с социально-половыми ролями.

Первые представления о гендерных ролях дети получали в семье, примером для них служили родители, которые выполняли гендерные роли соответственно своему полу. Невыполнение половых ролей, их смешение или замещение в традиционном обществе было недопустимо.

Следующими по значимости гендерным стереотипом являлось «содержание труда», ориентировавшее девочек на выполнение женской домашней работы, а мальчиков – на мужскую работу по дому и вне его. С 6–7 лет девочка помогала матери по хозяйству: мыла посуду, принимала участие в уборке дома, нянчила младших детей, выполняла различные поручения матери. Постепенно девочку приобщали к более сложным трудовым процессам. В ее обязанности входило стирать, чинить одежду, готовить пищу, выпекать хлеб, ходить за водой и т.д. В свободное от работы время девочку учили вышивать, прясть, ткать. Кумычки часто говорили своим дочерям: *«Эткенин мен учун, уйренгенин сен учун»* (Делаешь для меня, учишься для себя). Девочкам внушали, что приобретенные трудовые навыки пригодятся им, когда они обзаведутся собственным хозяйством.

Уже к 13 годам девочка могла полностью заменить мать в хозяйстве. Оттого, насколько девочка была трудолюбива и чистоплотна, зависела ее будущая семейная жизнь. Хозяйственность была основным качеством, по которому мать выбирала невесту для своего сына. Когда свекровь была недовольна своей невесткой, то она во всем винила ее мать: *«Налат болсун сени уйреткен анага»* (Пусть будет проклята твоя мать, которая тебя ничему не научила).

Мальчика, как и девочку, рано приучали к труду. С ранних лет ему внушали, что он мужчина, будущий глава семейства. В отличие от девочек серьезное трудовое воспитание мальчики начинали получать в подростковом возрасте. С 13–14 лет они помогали старшим: ухаживали за скотом, выпасали его, водили зимой крупный рогатый скот на водопой, очищали животноводческие помещения, выполняли работу аробщиков – перевозили зерно, навоз, сено и т.д. Кроме того, мальчики кололи дрова, ухаживали за лошадьми, помогали отцу транспортировать на ослах и лошадях сельхозпродукты на дальние базары.

Родители стремились как можно лучше подготовить своих детей к самостоятельной жизни, именно в семье они получали все необходимые навыки, которые могли бы пригодиться им в будущем. По этому поводу у кумыков и ногайцев существует такое выражение: *«Уясыда не коьрсе, ушканда соны этер»* (Что увидел в семье, то и в полете совершит, т.е. повторит в жизни).

Закрепление усвоенных в семье гендерных стереотипов происходило и во время детских игр. В них дети часто подражали старшим, они с точностью воспроизводили характерные ситуации, происходившие в реальной жизни взрослых, имитировали модели их поведения. Мальчик проявлял в играх властный характер отца, девочка – мягкость и уступчивость, присущие матери.

В детских играх закреплялись не только гендерные стереотипы поведения, но и социально-половые роли. Так, например, девочки, играя в семью, воссоздавали домашний быт (лепили из глины посуду, тазики, кувшины, сундуки, лари и т.д.), подражали взрослым членам семьи.

Любимой игрой девочек была игра в свадьбу (*«гялин-гялин»* – азерб., терек., *«курчакъ той»* – кум., *«коршакъ той»*, *«келинишек»* – ног.), которая проходила со всеми атрибутами и сюжетом свадебного церемониала. Девочки охотно воспроизводили гендерные роли взрослых, подражали поведению жениха и невесты во время свадьбы.

Другим развлечением девочек была игра в куклы (*«хала-хала»* – азерб., терек., *«кьурчак»* – кум., *«коршак»* – ног.), в ней девочки повторяли семейные роли матери: шили одежду, готовили еду, приносили воду, убирали в доме.

Кукольный домик, который строился из подручного материала (веточек, дощечек, глины), напоминал настоящий дом. Девочки лепили из глины посуду, домашнюю утварь,

готовили обед из песка, пекли хлеб из глины. Наши информаторы из с. Ерси вспоминают, что в детстве они своим куклам «готовили обеды» из гусениц, кузнечиков, стрекоз, воробьев.

Кукол изготавливали из кукурузных початков, лепили из глины, мастерили из ткани, набив их шерстью. Из разноцветных лоскутков им шили платьица и платочки. Нередко первую куклу девочке шила бабушка, которая впоследствии передавалась младшей сестре.

Таким образом, во время игры девочки воссоздавали не только семейный быт, но и предметный мир женщины. Здесь следует обратить внимание и на тот факт, что с помощью игры в куклы девочка не только усваивала гендерные стереотипы, но и формировалась как личность. Кроме того, «с помощью куклы, своей полной или условной копии, своего двойника (*alter ego*, «куклу»), девочки были способны не только преодолевать неуверенность в собственных установках и идентичности, но и отслеживать как свое поведение, так и ситуации, в которых проявлялись установки, т.е. контролировать их посредством «наблюдения за собой» (См.: *Морозов И.А.*, 2003. С. 48–50; 2006. С. 70).

Мальчики же играли с предметами, имитировавшими хозяйственный инвентарь и средства передвижения. Для них специально изготавливались деревянные миниатюрные плуги, лопаты, молотки, топоры, ножи, арбы, мельницы, лошадки, буйволы. Игры с этими предметами выполняли двойную функцию: во-первых, они закрепляли гендерные стереотипы и представление о содержании мужского труда, во-вторых, развивали мелкую моторику рук и умение обращаться с орудиями и предметами труда.

Таким образом, игрушки мальчиков и девочек отражали сферу хозяйственно-бытовой деятельности взрослых, закрепляли трудовые навыки и умения, соответствующие представителям обоих полов.

Наибольшее предпочтение мальчики отдавали подвижным играм, которые были нацелены на развитие у них выносливости, смелости, меткости, упорства, воли к победе, умения постоять за себя, чувства коллективизма и товарищества. Так, например, любимой игрой ногайских мальчиков была игра «*обгиз мойын*» (бычья шея), во время которой двое участников надевали на шею широкий пояс и стоя пытались перетянуть друг друга. Аналогична этой и другая игра, но выполняли ее сидя, сопротивляясь ногами – «*табан тиресув*» (сопротивление ногами) (*Керейтов Р.Х.*, 2009. С. 339).

Азербайджанские мальчики играли в командную игру «*сютди сюююг*». Правила этой игры заключались в следующем. Группа мальчиков разбивалась на две команды, во главе каждой стоял капитан, одна команда мальчиков должна была раньше другой найти брошенную соперниками палку и отдать своему командиру.

Любимыми играми кумыкских мальчиков были «*яшим джимчик*» (прятки) и «*къачакъ*» (разбойники).

Популярными у тюркоязычных народов Дагестана были игры в альчики и волчок («*данъдрукъ*» – ног., «*дундума*» – азерб., терек., «*жинжирак*» – кум.). Для игры в волчок выбирали ровное место. Взрослые изготавливали волчок, состоящий из заостренной деревянной палочки, деревянного круга с дырочкой посередине. Дети втыкали в землю волчок и с помощью плетки заставляли его вращаться. У кого дольше всех вращался волчок, тот и становился победителем.

Больше всего мальчикам нравилось носить друг друга на спине. У кумыков эта игра называлась «*эщек оюн*», у дагестанских азербайджанцев и терекеменцев – «*эщек бойны хыщ*» (букв. играть в ишака). В отличие от кумыков дагестанские азербайджанцы и терекеменцы играли в эту игру летними ночами. Мальчики по очереди носили друг друга верхом на спине по селению. Подойдя к одному из домов, тот, у кого на спине был товарищ, должен был выкрикнуть имя хозяина дома и спросить, что ему делать дальше? Если человек в этот момент спал и был рассержен, что его разбудили, он мог выкрикнуть: «Неси его дальше!», и тогда играющие должны были идти к следующему дому, или же он мог сказать: «Поменяйтесь местами!», и тогда тот, кто нес, садился верхом на спину другого.

опасным для здоровья и жизни подростков. У кумыков, например, полагали, что в период достижения пятнадцатилетия («онбешине мине») подросток может сильно удариться и даже умереть («къагылып оьле»). Когда в этом возрасте юноша или девушка заболели, суеверные люди прибегали к разным магическим средствам: заболевшего заставляли лечь на спину, клали ему на стопы ног черную шерсть и слегка ударяли дощечкой. Потом эту шерсть, разделив на семь кусков, бросали к началу 7 дорог («етти ёлну башина»). Одновременно раздавали обрядовую еду (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 286).

У ногайцев опасным периодом для мальчика считали время от рождения до 10 лет, в этот период отец должен был каждый год резать по одному ягненку.

У тюркоязычных народов Дагестана достижение совершеннолетия отмечалось торжественно. В этот день у азербайджанцев, терекеменцев и южных кумыков в доме, где праздновали совершеннолетие юноши или девушки, готовили угощение, собирали соседей, ближайших родственников. Бабушка доставала из сундука отрез и измеряла им рост подростка, приложив один конец ткани к макушке головы, а другой – к пятке. Отмерив кусок ткани, она делила его между присутствующими.

В с. Каякент 15-летие подростка отмечалось несколько иначе. В день совершеннолетия в семье должны были зарезать петуха и накормить им юношу, а затем в течение года до следующего дня рождения, т.е. до его 16-летия, зарезать еще шесть петухов. Следует отметить, что мясо птицы съедал сам подросток, считалось, что оно придает юноше мужскую силу. В с. Верхнее Казанище в день 15-летия родители подростка должны были раздать соседским мужчинам спички, соль и яйца, предварительно проведя ими над головой мальчика.

У ногайцев в день совершеннолетия подростка проводили обряд «Атка минген той» (букв. свадьба в честь севшего на коня). По этому случаю устраивали богатое угощение, проводили конные состязания и соревнования силачей. По традиции, приглашенные дарили юноше конское снаряжение и оружие (*Гимбатова М.Б.*, 2007. С. 165). Этот обряд нашел отражение и в ногайском эпосе. Об этом свидетельствует отрывок из рассказа о борьбе Эдиге с Тохтамыш-ханом: «Когда мальчику (Нурадину) исполнилось 15 лет, Эдиге собрал народ, устроил пиршество, посадил своего сына на лошадь, чтобы показать народу, какого сына родила дочь Шахтемир-хана» (*Мутенин И.Т.* Ачикулакские ногайцы. Л. 65). Подобный обряд существовал и у казахов (*Никишенков А.А.*, 1999. С. 79).

После проведения обряда совершеннолетия юноше разрешалось присутствовать на мероприятиях, проводимых мужчинами, ходить в мечеть, на похороны и кладбище.

Жизнь девушки с наступлением совершеннолетия также менялась, она больше работала по дому, реже выходила на улицу, контроль над ней становился строже.

Итак, у тюркоязычных народов Дагестана совершеннолетие было важным жизненным рубежом, подростки имели четкое представление о гендерных отношениях, социально-половых ролях мужчин и женщин и были подготовлены к взрослой жизни.

Несмотря на устоявшееся в отечественной этнографической науке положение, что все «мужское/маскулинное» является первичным, значимым и доминирующим, а все «женское/фемининное» – вторичным, незначительным, собранный нами полевой материал показывает, что асимметричность гендерной системы у тюркоязычных народов Дагестана была относительно условной, что не могло не сказаться и на традиционном воспитании детей в целом, которое акцентировало внимание на социальных различиях полов, тем самым закрепляя реальное положение мужчины и женщины в обществе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гаджиева С.Ш., 1999. Дагестанские азербайджанцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.

Гаджиева С.Ш., 2005. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2 Махачкала.

Гаджиева С.Ш., 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.

Гимбатова М.Б., 2005. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала.

- Гимбатова М.Б.*, 2007. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту. Махачкала.
- Дубровин Н.*, 1871. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб.
- Захаров А.*, 1894. Домашний и социальный быт женщины у закавказских татар // СМОПК. Вып. XX. Тифлис.
- Из дагестанской народной лирики. 1956. Махачкала.
- Кадыраджиева Х.Д.*, 1980. Отражение семейного быта в колыбельных песнях кумыков // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала.
- Карпов Ю.Ю.*, 2001. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.
- Керейтов Р.Х.*, 2009. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь.
- Клецина И.С.*, 1998. Гендерная социализация. СПб.
- Магомедов Р.М.*, 2005. Вековые ценности Дагестана. Махачкала.
- Морозов И.А.*, 2003. Мужчина и его двойники (культурные проекции мужской самоидентификации) // «Мужское» в традиционном и современном обществе: Матер. науч. конф. (Москва, 16–18 апреля 2003 г.). М.
- Морозов И.А.*, 2006. Игровые сообщества: гендерный аспект // ЭО. № 4.
- Мутенин И.Т.* Ачикулакские ногайцы // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 67.
- Никишенков А.А.*, 1999. Традиционный этикет народов России (XIX – начало XX вв.). М. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв., 1999 / Сост.: Кидирниязов Д.С. Махачкала.
- Пушкарева Н.Л.*, 2003. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. М.
- Семенов Н.*, 1895. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.
- Традиционный фольклор народов Дагестана. 1991. М.
- Хиясова С.Г.*, 2006. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сборник научных статей. Махачкала.
- www.gender.ru